

compassion for another, which are labeled in various ways and have a philosophical explanation.

Keywords: *suffering, pain, empathy, emotional burnout, doctor-patient relationship.*

Об авторе:

ЕВСТИФЕЕВА Елена Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры психологии, истории и философии, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: pif1997@mail.ru

About the author:

EVSTIFEEVA Elena Aleksandrovna – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: pif1997@mail.ru

УДК [82-1: 81'25]:124.42

ПРИЕМ САТИРЫ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ И ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)

О.А. Егорова

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Егорова О.А., 2025

DOI: 10.46573/2409-1391-2025-3-11-17

Аннотация. *В статье рассмотрено использование приема сатиры в контексте римской философии и песенной поэзии Владимира Высоцкого. Проанализирована специфика средств образности, применяемых для раскрытия сатирического начала в поэтическом наследии поэта. Изучена соизмеримость отражения сатирических тропов в переводах произведений В. Высоцкого на английский язык. В результате лексико-семантического и компаративного анализа образных средств некоторых стихотворений В. Высоцкого выявлена доминанта гиперболы и иронии, отраженных в переводных аналогах не в полной мере вследствие вкраплений поэтом элементов разговорного стиля речи.*

Ключевые слова: *философские концепции, сатирические тропы, гипербола, сарказм, аллитерация, ирония.*

Представляя собой важную часть философского подхода к миру, сатира позволяет распространять философские идеи среди людей, которые не обладают глубокими знаниями в этой области. Сатира представляет сложные философские концепции в виде доступных и точных образов, легко воспринимаемых широкой аудиторией. Несомненная значимость сатиры заключается в использовании юмора, иронии, преувеличения или осмеивания человеческих пороков, социальных

институтов, а также культурных явлений, что позволяет философам критически оценивать общественные нормы и моральные устои, не прибегая к прямому осуждению. Через иронию и юмор сатира обнажает абсурдность или несправедливость явлений, заставляя людей смотреть на привычные вещи под новым углом. Как следствие, сатира становится инструментом осмысления и анализа сложных философских вопросов, стимулируя непрерывный мыслительный процесс и заставляя аудиторию задавать вопросы о морали, справедливости, истине и других философских категориях.

Многие философы использовали сатиру в своих работах. В частности, древнегреческий мыслитель Аристофан в комедиях высмеивал Сократа и софистов, Вольтер в «Кандиде» критиковал оптимизм Лейбница, тогда как Франсуа Рабле в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» использовал сатиру для обсуждения гуманистических идей. Данные исторические примеры служат подтверждением того, что сатира в философии выполняет социальную, познавательную и критическую функции, помогая переосмысливать сложные идеи, бросая вызов устоявшимся нормам и стимулируя общественную дискуссию.

Поэтическая форма сатиры представляет особый жанр, зародившийся в среде римских философов прошлого. По мнению Михаэля фон Альбрехта, сатира может считаться «специфически римским литературным жанром» [1, с. 277]. Согласно Г.Ф. Гегелю, успешному продвижению сатиры в Риме способствовала необычная атмосфера, царившая в древней столице и допускавшая возможность излить «дух добродетельной досады на окружающий мир...» [3, с. 226]. Возникновение концепта сатиры ассоциируется с творчеством древнеримского поэта Квинта Энния, создавшего сборник «сатур», или “*saturae*”, т. е. небольших стихотворений с дидактическим и изобличительным пафосом. Развитие этого жанра продолжилось в творчестве Гая Луцилия, сознательно посвятившего свой литературный талант борьбе с изобличением порочности тех или иных деятелей. Луцилий ввел в свои стихотворения образ вымышленного собеседника, с тем чтобы опровергать его доводы. Конкретика образов при этом сопровождалась философскими или этическими обобщениями. Появление «воинственной» сатиры в творчестве Луцилия ознаменовано четко выраженным авторским мировоззрением и экспрессивным характером обличения. По мнению В.С. Дурова, «сатира была тем жанром, который, помимо прочего, позволял поэту в непринужденной форме дружеской беседы, письма, раздумья потолковать на самые разные темы политики, философии, искусства... и посудачить на злобу дня» [4, с. 7].

Эстафету сатирического стихосложения продолжил Гораций, ограничивший многоплановость сатиры проблематикой частного поведения людей как носителей тщеславия, зависти и корысти. Наконец, римский поэт-сатирик Авл Персий Флакк, будучи антагонистом бессодержательной поэзии, преобразовал сатиру в инструмент распространения конкретных философских концепций (в частности, учения стоиков), трансформируя жанровую суть сатиры с конкретики на генерализацию пороков как отвлеченных проявлений человеческой сущности без привязки к конкретной социальной среде.

В контексте русской стихотворной сатиры примечательно усиление лирической составляющей данного жанра в творчестве Г.Р. Державина, создавшего необычные для классицизма «сатиры-оды». Согласно точке зрения филолога Г.В. Москвичевой, Державину удалось внести существенные поправки в сатирический жанр, ибо в своих «сатирах» «...он отражает как героические события, так и бытовую сторону жизни

своей эпохи» [6, с. 89]. Отметим, что прием сатиры широко использовался в творчестве многих русских поэтов, включая А.С. Пушкина, славившегося написанием колких эпиграмм, В.В. Маяковского, сатирически разоблачавшего преграды на пути построения революционного социализма.

В эпоху брежневского застоя сатирический пафос ярко выразился в поэтическом творчестве Владимира Высоцкого.

На основе лексико-семантического и компаративного анализа выборки из семи стихотворений Владимира Высоцкого нами была исследована проблематика сатирического начала в творческом наследии поэта и использования им соответствующих средств образности, а также проанализирована соизмеримость отражения сатирических тропов в переводах некоторых произведений Высоцкого на английский язык.

Рассмотрим культовое стихотворение Владимира Высоцкого «Песенка о слухах» (1969), где сатира используется как основной художественный прием для критики общественных пороков, человеческой глупости и склонности к распространению слухов и сплетен. Обратимся к начальной строфе [2, с. 283]: *«Сколько слухов наши уши поражает, / Сколько сплетен разъедает, словно моль! / Ходят слухи, будто все подорожает – абсолютно, / А особенно – штаны и алкоголь!»* Здесь проблематика сатиры искусно раскрывается поэтом посредством стилистического приема преувеличения, или гиперболы, в начальных строках, где слухи представлены как нечто настолько мощное, что буквально «поражает» уши. В контексте усиления образности во второй строке сплетни сравниваются с молью, что подчеркивает их разрушительное воздействие. В третьей строке В. Высоцкий использует иронию, или скрытую насмешку над абсурдностью слухов, которые касаются якобы всеобщего подорожания, но акцент делается на бытовых и самых «важных» для народа вещах – штанах и алкоголе. Подобный ироничный подход создает комический эффект и подчеркивает нелепость ситуации, тогда как вкрапление существительных «штаны» и «алкоголь» из арсенала разговорной лексики придает тексту народный колорит, тем самым усиливая сатирическое начало.

Теперь проанализируем приведенный на одном из поэтических сайтов перевод этих строк на английский язык, выполненный Джоном Фарндоном и Ольгой Накстон [9]: *“The stream of rumour in our ears is remorseless, / It burrows in and in as you think. / For example, that prices are soon going up and up, of course, yes – / Especially trousers and strong drink!”* В начальной строке переводного текста выражение *“the stream of rumour”* (поток слухов) [8] звучит более абстрактно; сатирическая гипербола, заложенная в авторском словосочетании «сколько слухов», утрачена. Составное именное сказуемое *“is remorseless”* (является безжалостным) [8] существенно трансформирует смысловую подоплеку глагола «поражает» со значением «удивлять» [5], тем самым авторская ирония подменяется сарказмом. При этом во второй строке перевода *“It burrows in and in as you think”* (Он проникает все глубже и глубже, пока вы думаете) [8] отсутствует ироничное сравнение слухов с молью, что снижает выразительность образа. В заключительной строке перевода *“Especially trousers and strong drink!”* (Особенно брюки и крепкие напитки!) [8] опущено авторское наречие «абсолютно», что уменьшает иронию в повествовании. Вдобавок перевод существительного «алкоголь» как *“strong drink”* [8] сужает смысловое значение в переводном тексте, так как алкоголь может быть не только крепким. Таким образом, в оригинале использованы яркие сравнения и прием гиперболы, которые в переводе смягчены или утеряны. В частности, в англоязычной версии отсутствуют сравнение

слухов с молью и акцент на слове «абсолютно», способствующие наращиванию сатирического подтекста.

Отметим, что проблематика сатиры в контексте данного произведения зримо обнажена и усилена в последующем рефрене, повторяемом семикратно [2, с. 283]: *«И, словно мухи, тут и там ходят слухи по домам, а беззубые старухи их разносят по умам! Их разносят по умам!»* В начальной строке рефрена поэт сравнивает слухи с мухами, которые летают повсюду, создавая ощущение назойливой повсеместности, тогда как вторая строка репрезентирует авторскую метафору олицетворения, ибо слухи «ходят», как живые существа, что подчеркивает свободу их распространения. Образ «беззубых старух», которые «разносят слухи по умам», усиливает сатирический подтекст посредством иронии, поскольку безобидные старухи в интерпретации Владимира Высоцкого становятся источником беспорядка и смятения. При этом в третьей строфе мы замечаем присущую стилю поэта аллитерацию – повтор согласных звуков «м», «т», «д», создающих эффект назойливого жужжания мух.

Обратимся к переводу на английский язык рефрена [9]: *“And like flies through the air, / rumours swarm here and there; / They’re spread by toothless biddies, / All these rumours everywhere!”* Если в начальной строке оригинала слухи сравниваются с мухами, летающими «тут» и «там», то в переводе мухи рассматриваются в контексте их движения *“through the air”*, т. е. «по воздуху» [8]. Вторая строка, переводимая как «слухи роятся тут и там», в сравнении с оригиналом звучит более абстрактно, опущена авторская метафора о хождении слухов по домам, тем самым смысловая парадигма образа трансформируется. При этом в финальной строке англоязычной версии, которая переводится как «слухи... повсюду», не повторяется авторская метафора «слухи разносят по умам», подразумевающая, что слухи не только распространяются, но и оказывают влияние на сознание людей. Как следствие, перевод рефрена исключает элементы авторской образности, не передает двойной смысл фраз и лишен других деталей образной дескрипции.

Используя сатирические тропы в виде гиперболы, сравнения и иронии, В. Высоцкий мастерски разоблачает абсурдность слухов, которые обрастают нелепыми подробностями и становятся самостоятельным явлением, оторванным от реальности. Добавим, что В.С. Высоцкий высмеивает не только сами слухи, но и тех, кто их распространяет. Поэт показывает, как люди замещают важные дела тратой времени на пустые разговоры и сплетни, актуализируя своей поэзией критику более широких социальных явлений, таких как бездумное принятие мнения толпы и нежелание мыслить самостоятельно. В аналогичном ракурсе тема слухов затронута и в других произведениях поэта (в частности, «Нет меня – я покинул Расею...» 1970 года и «Я все вопросы освещу сполна...» того же периода).

Для дальнейшего анализа проблематики сатирического в поэзии В.С. Высоцкого обратимся к песенному стихотворению «Семейный цирк, или Диалог у телевизора» (1970), в котором поэт сатирически высмеивает лицемерные привычки советских обывателей обсуждать других, не замечая собственных изъянов. Обратимся к начальной строфе [2, с. 358]: *« – Ой! Вань! Смотри, какие клоуны! Рот – хоть завязочки пришей... Ой, до чего, Вань, размазеваны, и голос – как у алкашей!»* В начальной строке авторская ирония проявляется в том, что героиня диалога называет кого-то «клоунами», хотя сама ведет себя столь же гротескно и нелепо. Вторая строка содержит ироническое преувеличение с вкраплениями разговорной лексики (*«хоть завязочки пришей»*), подчеркивающими, насколько комично разинуты рты у тех, кого обсуждают. Использование в заключительной строке гиперболизированного сравнения

«и голос – как у алкашей!» иронично подчеркивает негативную атмосферу происходящего, ибо героиня критикует других, а сама, судя по стилю речи, не отличается утонченностью.

Рассмотрим эти строки в англоязычной интерпретации Маргариты и Стаса Порохня [10]: “*Hey, Vanya, look – they’re really good, those clowns; It’s like they’re grinning ear to ear. They’ve so much make-up on and big red mouths – and sound like alkies, can’t you hear?*” В начальной строке перевода заметно добавление оценочного выражения относительно клоунов “*really good*” (действительно хорошие) [8], которого нет в оригинальном тексте. Данная вставка значимо трансформирует смысловую парадигму, ибо В. Высоцкий актуализирует иронию над происходящим, а не одобрение. Нейтральное по эмоциональной экспрессии словосочетание во второй строке перевода “*grinning ear to ear*” (улыбка от уха до уха) [8] заметно отличается от авторской гиперболической метафоры «хоть завязочки пришей» – утрачена образная яркость оригинала. При этом третья строка перевода “*They’ve so much make-up on and big red mouths*” (У них так много макияжа и большие красные рты) [8] представляет нейтральную характеристику макияжа клоунов, тогда как авторское разговорное причастие «размалеваны» подразумевает оттенок чрезмерности и сатирического пренебрежения к происходящему. В этой же строке добавлено словосочетание “*big red mouths*” (большие красные рты) [8], которого также нет в оригинале. В финальной строке мы замечаем наращивание смысловой парадигмы словосочетанием “*can’t you hear?*” (ты слышишь?) [8]. Таким образом, перевод сохраняет общий смысл оригинала, однако теряет часть иронии, гипербол и разговорной экспрессии, столь характерных для сатирического вектора поэзии В.С. Высоцкого.

В дальнейших строках, используя яркие, гротескные образы персонажей и разговорную лексику, поэт высмеивает такие человеческие слабости, как лицемерие и неспособность признавать свои недостатки. Так, в ходе «дискуссии», развернувшейся перед телеэкраном, Иван хвалит своих друзей за то, что они «не тащат из семьи», но при этом признается, что они пьют «гадость из экономии». Подобная бытовая ситуация создает ироничный контраст: поведение друзей персонажа не заслуживает похвалы, однако он пытается представить их в выгодном свете. Фраза «хоть поутру – да на свои!» звучит как оправдание, хотя на самом деле подчеркивает абсурдность ситуации и усиливает сатирический эффект. Многократное обращение персонажа к жене усеченной формой ее имени («Зин») не только добавляет фамильярности, но и создает эффект назойливой попытки убедить ее в своей правоте, подчеркивает напряженность в их отношениях. При этом упоминание Иваном приятеля Зины, что «хлебал бензин», представляет явное преувеличение, или гиперболу, которая помимо сатирического подтекста демонстрирует, насколько нелепым было поведение того человека. Таким образом, сатира в строках Высоцкого заключается в ироничном изображении бытовой ситуации, где герой оправдывает свое поведение (поход в магазин и выпивку с друзьями), перекладывая ответственность за свои действия на жену. Кроме того, в данном произведении посредством бытового преувеличения поэт искусно апеллирует к традициям античной сатиры, ибо в античном сатирическом диалоге, согласно точке зрения С.В. Поляковой, «развились типичные для западной сатиры особенности – карнавальный бурлеск, площадная грубость, не знающий границ гротеск, суперлативность чувств» [7, с. 141]. В.С. Высоцкий обновляет на новом уровне жанровую память поэтического прошлого, комично погружая своих персонажей в

бытовую дискуссию относительно разграничения личностного пространства и поведения.

Отметим, что прием сатиры, которым В.С. Высоцкий мастерски владел, успешно сочетая его с глубоким лиризмом поэтического нарратива, позволял ему не только создавать красочные, узнаваемые образы советской реальности, но и транслировать скрытые философские подтексты в условиях жесткой цензуры, не допускавшей открытого противостояния официозу. Результаты лексико-семантического и компаративного анализа рассмотренных выше стихотворений демонстрируют превалирование гиперболы в аппроксимации от 26,3 до 33,3 %, а также иронии в диапазоне от 13,3 до 21,1 % от общего количества сатирических тропов. Переводные аналоги сохраняют приблизительно 83 % сатирических тропов из оригинала, что объяснимо трудностями передачи на английском языке средств образности авторской сатиры с вкраплениями элементов разговорной риторики.

Библиографический список

1. Альбрехт М. фон. История римской литературы: в 3 т. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2002. Т. 1. 704 с.
2. Высоцкий В.С. Собрание сочинений: в 4 кн. М.: Надежда-1, 1997. Кн. 2. С. 358–360. Кн. 4. С. 147, 283–284.
3. Гегель Г.В. Ф. Эстетика: в 4 т. М.: Искусство, 1969. Т. 3. 621 с.
4. Дуров В.С. Жанр сатиры в римской литературе. Ленинград: ЛГУ, 1987. 160 с.
5. Ефремова Т.Ф. Самый полный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, 2015. 3312 с.
6. Москвичева Г.В. Русский классицизм. М.: Просвещение, 1978. 128 с.
7. Полякова С.В., Феленковская И.В. Византийский сатирический диалог. Ленинград: Наука, 1986. 191 с.
8. Мультитран: электронный словарь. URL: <https://www.multitrans.ru/c/m.exe?a=DownloadFile> (дата обращения: 07.03.2025).
9. Farndon J., Nakston O.A. Song about Rumours. URL: <https://wysotsky.com/1033.htm?1834> (дата обращения: 02.03.2025).
10. Porokhnya M., Porokhnya S. Dialogue in Front of the Television. URL: <https://wysotsky.com/1033.htm?486> (дата обращения: 05.03.2025).

THE RECEPTION OF SATIRE IN THE PHILOSOPHY AND SONG POETRY OF VLADIMIR VYSOTSKY (BASED ON ENGLISH LANGUAGE TRANSLATIONS)

O.A. Egorova

Tver State Technical University, Tver

Abstract. *The article examines the use of satire in the context of Roman philosophy and Vladimir Vysotsky's song poetry. It analyzes the specific features of imagery used to reveal the satirical element in the poet's poetic legacy. The article also explores the correlation between the reflection of satirical tropes in the translations of Vysotsky's works into English. As a result of the lexical-semantic and comparative analysis of the figurative means in some of Vysotsky's poems, the dominant features of hyperbole and*

irony were identified, which are not fully reflected in the translated equivalents due to the poet's use of colloquial speech elements.

Keywords: *philosophical concepts, satirical tropes, hyperbole, sarcasm, alliteration, irony.*

Об авторе:

ЕГОРОВА Ольга Анатольевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: mipe456@hotmail.com

About the author:

EGOROVA Olga Anatolyevna – Senior Lecturer of Subdepartment of Second Languages, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: mipe456@hotmail.com

УДК 316.3:[35+39](470+571)

К ВОПРОСУ О РОЛИ ГОСУДАРСТВА В ПРОЦЕССЕ СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

О.И. Туманова

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Туманова О.И., 2025

DOI: 10.46573/2409-1391-2025-3-17-20

Аннотация. *В статье рассмотрена важность роли государства в процессе сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Реализация государственной политики в области ценностных установок направлена прежде всего на личность и ее формирование в соответствии с потребностями и вызовами современного общества. Ключевая роль в этом процессе отводится государству, которое должно выстроить новую модель взаимодействия с обществом, а также сформировать эффективную систему государственного управления, основанную на традиционных ценностях. Отмечена также значимость роли государства в процессе объединения общества с целью защиты и сохранения морально-нравственных векторов развития страны.*

Ключевые слова: *традиционные ценности, государство, государственное управление, общество.*

В условиях нестабильности, сопровождающей процесс изменения архитектуры мирового порядка, Российская Федерация на сегодняшний день уже показала себя как государство, которое способно «проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления» [6]. Обеспечение и защита национальных интересов стали приоритетами проводимой государством политики, а система управления ориентирована на их эффективную реализацию.